

Собранные здесь стихи написаны преимущественно во время и после лыжных путешествий в Заонежье (в двух февралях—в 1982-м и 1983-м, в студенческие каникулы, на последних курсах учёбы в Харьковском институте радиоэлектроники, а также уже в феврале 1987-го). Стихи эти я вразброд опубликовал в 1980-х в известных московских молодёжных и иных альманахах и сборниках, частично в моей книге «Имярек» (Москва: «Современник», 1992, зав. редакцией Л. Г. Баранова, редактор Л. В. Грязнова, художник С. С. Косенков), что-то—в книге избранного «Хожение» (М.: Поэзия.ру, 2004).

Первые собрался северный зимний цикл. Можно сказать, циклом. А к нему ещё и летние северные стихи—вологодские, кирилло-белозерские, ферапонтовские.

Заонежье оставило глубочайший след в сердце. Это одно из пронзительнейших, самобытнейших мест Карелии и Русского Севера. Справочники рассказывают, что здесь проживали предки современных северных народов—сегодняшних саамов, вепсов, карелов. С тринадцатого века из псковско-новгородских земель сюда стали переселяться русские. В 1478 году Заонежье в составе новгородских земель присоединилось к Русскому централизованному государству. К концу девятнадцатого—началу двадцатого веков оно стало самой густонаселённой территорией Карелии. «Русским Римом» называли Заонежский полуостров в прошлом веке фольклористы и путешественники—за красоту его пейзажей, рукотворных церквей, часовен и крестьянских домов. На территории Заонежья—более трёхсот памятников истории и культуры, три историко-архитектурных ансамбля—Кижский погост, Клименецкий и Палеостровский монастыри, пятьдесят пять исторических поселений.

В Кижях мне посчастливилось побывать дважды. Триптих «На Кижском погосте» я никогда не публиковал—по причине его молодой уязвимости.

На бескрайних просторах Русского Севера деревянные церковные шедевры спрятаны от безжалостных глаз цивилизации по лесным чащам, но более всего украшают берега озёрных заливов, затоков, салм. Время, особенно десятилетия безбожья, было беспощадно к этим храмам. Многие

из них утрачены безвозвратно. Однако кое-что восстанавливается, реставрируется в качестве памятников архитектуры и веры. Эти церкви очень радуют глаз путника в зимнее и летнее время, являясь, кроме прочего, порой хорошим ориентиром, возвышаясь над наволоками (так здесь называются полуостровки) среди древних елей.

Памятна мне и знаменитая высокая шатровая церковь Варвары Великомученицы (1650) села Яндомозера. И часовня Святого Георгия Змеборца в деревне Усть-Яндома (конец семнадцатого века, Карелия)—деревянная клетская часовня с шатровой колокольней (восьмерик от земли), одна из старейших сохранившихся часовен Заонежья. Поставлена она в устье коротенькой речушки Яндымы, бегущей от Яндомозера к Онежскому озеру. С колокольни часовни виден на Онеге зодческий древний ансамбль острова Киж, расположенный километрах в десяти. Зимой в ясную погоду туда легко бежать на лыжах по озёрному льду.

Вид со звонницы усть-яндомской часовни я опубликовал в своём альбоме «Храмы великой России» (М.: ЭКСМО, 2010). Именно на этом месте, на барабане часовни, в феврале 1982 года было написано стихотворение «В часовне забытой...».

Проходил я и, увы, пустовавшую уже в 1983-м деревню Узкие Салмы, где на берегу Космозера стоит деревянная клетская часовня (первая половина восемнадцатого века) с шатровой колокольней. В 2006–2007 годах здесь проведена реставрация. Это теперь единственная постройка, оставшаяся от деревни. Возле Узких Салмов и деревни Поля молодым южнорусским человеком стало сочиняться стихотворение «Звёзды долго висели на высокой берёзе...».

Так мы возвращались в Россию, так Россия входила в нас.

Останавливались мы нашей группой из девяти человек в том же году и в деревне Вегоруксы, над которой высится, рифмуясь с вершинами огромных елей, шатровая церковь Святого Николая (середина восемнадцатого века—1889). В старину селение называлось Вёгорукса, это одно из самых древних сёл в Заонежье. В пятнадцатом веке оно принадлежало богатому новгородскому боярину Ф. Глухову. Искусствоведы уверяют, что маленькая глава церкви, пятигранная аспида и обширная

трапезная типичны для заонежского зодчества. Однако нигде в Заонежье нет столь внушительной, мощной звонницы. Она господствует над церковью, и именно благодаря ей церковь приобрела значение маяка, видимого за много километров.

В храме прежде был удивительный иконостас. Самая ранняя из икон — «Апостол Пётр», написанная в четырнадцатом или в начале пятнадцатого века местным мастером. Среди обнаруженных произведений есть и работа новгородского художника пятнадцатого века — икона с изображением Богоматери и трёх святых.

Селение Пегрема, где я ночевал в холодных избах трижды в жизни, представляет собой ряд больших крестьянских домов, лицевые фасады которых обращены к озеру. Перед фронтом домов, на небольшом мысу, в 1770-е была построена часовня Варлаама Хутынского. Маленькая, она тем не менее видна не только со стороны озера, но и из окон почти всех домов. В настоящее время

в Кижях, в экспозиционном комплексе-деревне Васильево, находится «посланец» Пегремы — амбар Кузнецова. О Пегреме написались стихотворения «Опять — немые лики изб...» и «Смотри на вечернюю кромку земли...».

Потом были другие лыжные походы на Архангелогородчину (1988–1989 годы): Вершинино (запечатлённое художниками; помним кенозерские работы нашего гения живописи Виктора Попкова), Порженский погост, Кенозеро (где кинорежиссёр А. Кончаловский недавно снял своего «почтальона Тряпицына»), Холмогоры, Малые Карелы, — однако стихов они почему-то не оставили. Так бывает. Лишь одно написалось, после похода на Соловки (февраль 1991-го), — «Приглашение к путешествию» («Поедем на Север...»); это стихотворение «идеологически» замыкает мои северные хождения, в которых есть ещё и моя летняя Вологодчина 1988-го — Спасо-Прилуцкая, Кирилло-Белозерская, Феропонтовская.

Ночной гобой печи убогой...
Присядем к печке долгожданной!
Забудь о холоде убойном,
о хохоте пурги наждачной.

Какая жизнь шальная выдалась!
Но ты остуженные плечи
приблизь к огню — истает изморозь
от жара этой старой печки.

И в миг, как только мы воскреснем,
возникнут на промёрзших стенах
живую, пляшущую фреской
две наши огненные тени.

Смотри на вечернюю кромку земли,
на ранний
луны невесомой
осколок.

Здесь нет никого.
Лишь часовня Ильи
да церковь Николы.

А люди?
А люди ушли
туда, где асфальты, больницы и школы.

Что здесь?
Только
озеро,
лес, молчалив.

И нету резона тут жить никакого.
Холодное небо.
Часовня Ильи.
Да церковь Николы.

Опять — немые лики изб,
Сиротство чёрных деревень.
И камыша седая зыбь
Под зимней дрёмой дерев.

Здесь время срубы бережёт,
Чтоб иногда нашел ночлег
Зайндевелый человек.
Однажды мой настал черёд.

...Я согрелся.

И в окно
Молился лесу и звезде.
Всю ночь мешало лишь одно:
Рыдала птица в пустоте.

Звёзды долго висели
на высокой берёзе.
Пахли хлебом и сеном,
лошадиным навозом.

И царпало ноздри
дымом кислым, чуть терпким.
Это ветер приносит
из недавней деревни.

Этот ветер рассветный
сквозь прибрежные вербы
гнал светила на запад.
Вечный Родины запах

горло стылое трогал.
Я стоял на равнине.
Возле леса седого.
Возле неба России.

Ферапонтовская тетрадь

1.

И вспомнишь через тыщи вёрст и зим
Не взгляд, не лик, а голос мой продрогший.
На голой, угасающей дороге
Замрёшь, боясь опять расстаться с ним.

А ныне мы совсем не дорожим
Мгновеньями, в которых—не остаться.
С восторженной улыбкой святотатца
Я трогаю лицо твоё... Дрожит
Сознание... И, выскользнув, заколка
Сквозь все вселенные летит куда-то вниз...
И пряди ослепили, растекаясь...

О бренности? О вечности? Нисколько.
А просто—пасть в твои ладони, ниц.
Не помня жизни. Не скорбя. Не каясь.

2.

сквозь жизнь весёлую мою
просвечивает жизнь другая:
там

мы с тобою сберегаем
не выдавшийся здесь уют
и пташки вольные поют
и мы бредём над берегами
в наверном августе—не вспомню—
сквозь жизнь весёлую мою—
бесплотный гаснувший неполный
намёк на вариант судьбы
меня зовущий ежедневно
одушевление другое
немыслимое счастье то
иной несбывшийся приют
церква на Цыпином угоре
и мы с тобой—какое горе!—
идём смеясь в собор пустой
сквозь жизнь весёлую мою

3.

Тебе к лицу белеющий собор,
и облако, и тополь монастырский,
и холм, и, со смирением настырным,
боярышник, уткнувшийся в забор.

О, как к лицу тебе
вся эта жизнь!—

И свет, и даже мёд её горчайший.
Пока не остановлен круг гончарный,
подольше в лете шалом задержишь!

Нездешняя, тебя запомнят—лес,
и озеро, и судный дождь запойный.
Когда тебя уже не будет здесь,
ничем они утрату не восполнят.

Ты здесь была. Им неужно—без...
Прощальной бездны остывало млеко...
Но память есть
у дышащих молекул
тугой воды и медленных небес.

4.

Было лето у нас,
перехожих лесных сумасбродов.
Было счастья нещадного
вдосталь, взахлёб, через край.
На греховных холмах, на святых холодеющих водах
было лето у нас—
отлетевший, унёсшийся рай.

Только—
плачем о нём
ни его, ни себя не унизим,
а отыщем его
и в него окупёмся опять.

Если нас
к синеве невесомой
водил Дионисий,
нам ли счастье своё
не суметь, не узнать, не понять?

Пусть завидуют те,
кто поймал, подержал, да не понял,
кто, нашедши,
в потёмках плутать продолжал,
ожидая иных, баснословных каких-то японий.
Мне их жаль, дорогая, мне жалко, мне жаль...

Пусть завидуют те,
чей обуздан порыв, и просчитан,
и разложен по полкам,
и выверен под миллиметр.
Было лето у нас... С бесшабашием ненарочитым
мы заплатим за лето
безвременьем будущих лет.

Здравый смысл, торжествуй,
будь же здрав, пресный мир меркантильный!
Только нам он не в корм,
этот тёртый житейский букварь...

Вновь
вплетаемся мы
в легкомысленный дым над коптильной
и, как Пётр,—в чешуе краснопёрой—
ступает по водам рыба́рь...

5. Северная элегия

Мы встретимся с тобою там,
На тайном Севере далёком,
Где купола плывут вдоль окон
И лжа неведома устам,

Где жил скитальческий очаг,
Покуда не был срок закончен,
Где наши праведные ночи
Соединились невзначай.

Мы встретимся с тобой, когда
С тобою нас уже не будет;
И холод кожу не остудит,
И душу утолит звезда.

Сквозь дольний колоколий гул
Продленье брезжит нам обоим
В глухих ли зирках зверобоя,
В отрадном дарственном снегу ль.

Совпасть — горчащая мечта
Для обречённых разлучаться.

...Прощальный Север
 тронь

 на счастье,

Чтоб встретиться со мною — там...

Было темно,

 но малиновый — в лицах дрожал:

угли скудели, лениво истаивал жар
в утлой печи,

 в чёрном срубе,

 в сиротской свободе лесов.

Было темно, но из тьмы проступало лицо.

И — перевёрнуто, рыже — качался под ним
лаковый, гулкий, потёртый раздвоенный нимб.

Локоть замедленный.

 Крылья стреноженных струн.

Губы скитались по небу неведомых рун.

Как я смотрел на тебя! —

 Так глядят на сестру.

Не сорок тысяч заботливых братьев —
 один.

Но в этом мире неправом, на вечном ветру,
думал: собой заслону от любых холодин

душу твою,

 твои пальцы на струнах

 и прядь возле глаз.

Как, замерев, я глядел на тебя из угла!

Счастью ль незрячему

 помнить, что ночь — до утра?

Страха не емля, ты пела, чужая сестра!

Ах, твой недолгий, далёкий, твой канувший нимб!
Что я припомню под нынешний вой тишины?

Было темно... Как же, Господи, было светло!
После стемнело. Когда за окном рассвело.

На Кижском погосте

I.

Он срубил собор
двадцатидвуглавый.

Не за денег сор,
не для славы.

Он срубил собор,
белобрысый шкет, —
восьмерик
на восьмерике.

Что ему церкв́а?

Мать? Жена? Сестра?

Заскорузло руки
каждый сруб оглаживают.
Попороли синь
двадцать два креста —
поднялись
небесные саженцы.

II.

В зазубринах топор,
я вновь — бездомный пёс.

Но виден мой собор
окрест на десять вёрст.

Ты виден сквозь века
над зеркалом озёр.

Я остров к облакам
прибил тобой, собор!

III.

Немой лесник в потёртых валенках
нас, незнакомцев, не разглядывал.

Казался старым и усталым,
как будто прятал чью-то тайну.

Он мял лицо ладонью острой
и сквозь окно глядел на остров.

Мы на полу храпели хором,
не видя, как он зелье варит,

как ночью по оконной раме
бьёт чёрный силуэт собора.